

Г РАЖДАНСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА И НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ*

Гришечкина Наталья Васильевна – кандидат философских наук, доцент. Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского. Российская Федерация, 410012, Саратов, ул. Большая Казачья, д. 112; e-mail: natalja_grishechkina@rambler.ru

Тихонова Софья Владимировна – доктор философских наук, доцент. Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. Российская Федерация, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83; e-mail: segedasv@yandex.ru

Современный диалог общества и науки протекает в условиях распространения социальных медиа и конвергенции научного знания, меняющих систему массовой информации и каналы связи между научными акторами, лидерами общественного мнения и организаторами общественных инициатив. Конфликт элитарной нормативности научного дискурса и эгалитарной нормативности дискурса общественного принимает новые формы. Авторы показывают, как массово распространяющиеся практики гражданской экспертизы, основанные на гражданской журналистике (блогосфере и социальных сетях), проникают в процедуры научной экспертизы. Активное включение гражданских экспертов стало атрибутом трансдисциплинарной науки, для которой характерно оперативное принятие решений в условиях неопределенности. Однако переход трансдисциплинарной науки в фазу технонауки, массированно внедряющейся в жизненный мир в качестве магического «черного ящика» для обывателя, определяет границы конвергенции формального и неформального знания. Авторы полагают, что трансдиалог, формируемый трансдисциплинарными научными экспертами и депрофессионализированными лидерами гражданской журналистики, осложняется дефицитом гносеологической компетентности гражданских экспертов. В статье рассматривается включение электронных медийных практик в производство и социальное обращение научного знания. Используя достаточно известные, но еще не вошедшие в поле философо-научного исследования примеры

прямого влияния гражданских экспертов на процессы, которые в прежнем коммуникационном порядке были внутринаучными, авторы осуществляют исследование новых аспектов современной науки, расширяющих традиционный предмет философии науки и техники.

Ключевые слова: социальное конструирование знания, наука, общество, научное знание, гражданская экспертиза, гражданская журналистика, социальные медиа, трансдисциплинарность, конвергенция знания, технонаука, трансдиалог, биохакинг

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 17-33-01056 а2 «Мифы о прошлом в современной медиа-среде: практики конструирования, механизмы воздействия, перспективы использования».

CIVIL EXPERTISE AND SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN THE DIGITAL ERA

Natalya V. Grishechkina –
PhD in Philosophy, associate
professor.
Saratov State Medical
University named after V.I.
Razumovsky,
112 Bolshaya Kazachia St.,
Saratov, 410012, Russian
Federation;
e-mail: natalja_grishechkina@
rambler.ru

Sophia V. Tikhonova – DSc in
Philosophy, professor.
Saratov National Research
State University,
83 Astrakhanskaya St.,
Saratov, 410012 Russian
Federation;
e-mail: segedasv@yandex.ru

Modern dialogue of society and science proceeds in the conditions of social media distribution and the convergence of scientific knowledge. This processes change system of mass information and communication channels between scientific actors, leaders of public opinion and organizers of public initiatives. The conflict between an elite normativity of a scientific discourse and an egalitarian normativity of a public discourse takes the new forms. Authors show how in large quantities extending practice of civil expertise, based on civil journalism (a blogosphere and social networks), interrupt into procedures of scientific examination. Active inclusion of civil experts became an attribute of transdisciplinary science. The main feature of this type of science is operational decision making in the conditions of uncertainty. However transition of transdisciplinary science to a phase of the technoscience defines convergence borders of the formal and informal knowledge. Technoscience takes root into the vital world as a magic “black box” for the inhabitant. Authors believe that the transdialogue formed by transdisciplinary scientific experts and deprofessionalized leaders of civil journalism is complicated by deficiency of epistemological competence of civil experts. One of the problem is inclusion the electronic media practices in production and the social circulation of scientific knowledge. Using rather known, but not yet entered in the field of philosophical scientific research examples of direct influence of civil experts on processes which in a former communication order were intra scientific, authors realised a research of the new aspects of modern science expanding a traditional subject of philosophy of science and technology.

Keywords: social constructivism of knowledge, science, society, scientific knowledge, civil expertise, civil journalism, social media, transdisciplinarity, convergence of knowledge, technoscience, transdialogue, biohacking

Развитие цифровых технологий постепенно сближает виртуальную и социальные реальности, не только открывая перед людьми новые возможности, но и изменяя процессы социального конструирования знания. Новые виды коммуникации появляются как внутри института науки, так и в обществе в целом. Они меняют привычные формы взаимодействия и взаимоподдержки науки и социума и порождают новые концепции принятия решений по применению научного знания. Современные социальная и научная нормативности имеют разную природу, эгалитарную и элитарную соответственно, детерминируя конфликты и противоречия в зонах контакта. В рамках данной статьи мы рассмотрим влияние социальных медиа и конвергенции научных областей на диалог общества и науки.

Эпоха массовых коммуникаций привела к созданию вертикальных систем массовой информации с четко структурированными специализированными институтами хранения и трансляции публичной и

научной информации, тиражирующих нисходящие потоки контента, созданного профессионалами. Движущая сила индустриального общества – научная информация – производилась учеными, осваивалась и использовалась инженерами в интересах технологического развития, социальным институтом образования для воспроизводства кадров и системой СМИ для синхронизации замкнутых институциональных миров модерна. Наука в этой системе принимала форму автономного мира, интересы которого, связанные с постижением истины и удовлетворением любопытства, прямо не совпадали с государственным и социальным заказом. Однако не прямые эффекты развития научного знания, технологические прорывы поддерживали социальное значение и авторитет науки в массовом сознании. Сообщения о научных достижениях, адресованные обществу в целом, редко создавались собственно учеными и были профессиональной функцией научных журналистов. Хотя итоговый продукт работы журналиста был широко доступен, участие в коммуникационном процессе через СМИ для конечных потребителей имеет очень скромные объемы и зависит от большого числа факторов, среди которых доминируют политическая цензура, редакционная политика и самоцензура СМИ. Основным каналом обратной связи являлись читательские письма в редакции, которые временами вызывали широкий резонанс, но сами по себе крайне слабо влияли на формирование медийной повестки дня.

Система массовой информации постиндустриального общества претерпела серьезные изменения. Распространение компьютерных сетей трансформировало плоскость построения медиапространства, сменив вертикаль горизонталью. Горизонтальные интеракции, основанные на свободном доступе коммуникантов к любым типам коммуникации (включая массовую), размыли традиционный конгломерат автономных институциональных миров, обеспечивающих социальное движение научного знания. Как отмечает И.Т. Касавин, в «информационном обществе» или «обществе знания» познающий субъект практически утратил когнитивную автономию под влиянием трех основных факторов: СМИ («четвертая власть»); существование науки исключительно в форме социального института; коллективные формы производства знания («смерть автора») [Касавин, 2013, с. 7].

На первых этапах Интернет воспроизводил модерную модель научного контента, аккумулируя информацию, создаваемую профессионалами. Появление web 2.0 демократизировало практики создания контента. Рост проектов и сервисов, содержательно улучшаемых активными пользователями, депрофессионализировал «посредническую» функцию журналистики. Появился феномен журналистики гражданской: с помощью этого термина обозначается активное участие граждан в процессе сбора, публикации и анализа информации в целях демократического распространения независимой, заслуживаю-

шей доверия, точной и разнообразной информации [Филатова, 2011, с. 189]. Гражданская журналистика все чаще интерпретируется исследователями как новая форма равноправных социальных отношений в медиасфере и выдвижения ключевых тем общественной дискуссии, ее повестки дня [Bowman, Willis, 2003; Turner, 2006]. Ключевую роль в формировании гражданской журналистики сыграло появление блогосферы, коммуникационные практики которой были интегрированы более новыми социальными сетями и видеоблогингом.

Блогосфера как форма конвергенции экспертных мнений

Блогосфера – это социально-текстуальное пространство социальных сетей. Коммуникационный функционал блогосферы представляет собой социальную сеть (онлайн-сервис для оперативного обмена данными), ориентированный на публикацию сообщений дневникового жанра и отклики на них. Поскольку у Интернет-коммуникации есть родовые черты (горизонтальность, оперативность, интерактивность, широкий диапазон применимости), исследователи блогов часто трактуют последние как универсальное явление, охватывающее поливариативные стратегии выбора аудитории, тематики, элементов медиатекстов и целей публикации. Блоги могут быть политическими, научными, образовательными, музыкальными, бытовыми, спортивными (по тематической направленности); авторскими, коллективными, корпоративными (по числу авторов и характеру отношений между ними); текстовыми, видео-, фото-, подкастовыми (по характеру медиатекста) [Санин, Барков, 2016]. Все они предполагают динамические отношения автора и читателя, проявляющиеся в корректировании, комментировании и уточнении текста. Стирание четких границ между этими двумя ролями, низкое влияние агентов цензуры, конвергенция с традиционными СМИ – все это общие тенденции в развитии интернет-текстов.

Довольно долгое время блогосфера конкурировала с традиционными СМИ, но постепенно противостояние сменилось конвергенцией, поддерживаемой усилиями государства по легализации блогосферы (так называемый «Закон о блогерах», включивший ст. 102 в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и прекративший свое действие 29 июля 2017 г.). Блогосферу и медиасферу сегодня пронизывает сложная система взаимосвязей, обеспечивающих циркуляцию контента, тем и мнений. Этот формат близок к традиционному журналистскому комментарию, предполагающему эксперт-

ную оценку, генетически связанную с конкретной идеологией (и тиражирующему ее). Экспертиза фактов и мнений, содержащаяся в аналитических комментариях, является поводом для демонстрации личных переживаний и ощущений блогера. Сам повод не является формальным, он невозможен без создания конкретного интеллектуального продукта – интеллектуального мнения. В противоположность этому в традиционной системе СМИ мнение научных работников (=«экспертное мнение») публиковалось в узкосегментных специализированных изданиях, постепенно «просачиваясь» затем в сообщения высокотиражных изданий [Мотовилов, 2004, с. 64-66].

Блогосфера, замещающая сейчас в России нишу журналов мнений, предоставляет пользователям Рунета специализированную аналитику политического, экономического, политико-экономического, внешнеполитического, литературно-политического, научно-популярного формата. В пространстве экспоненциально возрастающей информации интеллектуальная деятельность блогера сконцентрирована не столько на создании нового информационного продукта (описывающего новые факты и явления), сколько на создании интерпретаций и критики, предполагающем оперирование информацией преимущественно экспертного характера. Продукт этой деятельности все чаще обозначается неологизмом «постправда». На основе тиражирования локальных «постправд» формируется депрофессионализированное социальное поле генерации оценок, гражданских экспертиз.

Гражданская экспертиза в контексте трансдисциплинарности

Гражданская экспертиза – это независимый от профессионального научного сообщества анализ общественно значимых проблем в контексте их соответствия социальному интересу. Представляет собой особого рода исследование, проводимое на основе экспертных оценок с целью выхода из противоречивых и рискогенных ситуаций. Как правило, исследователи гражданских экспертиз рассматривают свой предмет в терминах власти и контроля в русле политологического анализа [Гончаров, 2012]. В этом случае гражданская экспертиза определяется как канал демократического влияния избирателей на принимаемые правящей элитой решения, эффективность которого прямо зависит от институционального статуса гражданских экспертов. Однако гражданская экспертиза в рамках нашего исследования интересна тем, что она способна продуцировать ценностные иерархии и аксиологические рамки оценки, прагматически детерминирующей семантическое поле научной истины.

Иначе говоря, она способна выдвигать методологические средства определения жизнеспособности прикладного научного знания, дополняя базовые критерии истинности критериями практической применимости и этического одобрения. В этих условиях профессиональная научная экспертиза теряет монополию на включение нового научного знания в воспроизводство социального порядка. В результате обмена знаниями заинтересованные в их получении стороны формируют и закрепляют механизмы регулярного общения. Это определяет возможность взаимодействия и создания доверительных отношений между лицами, принимающими решения, и учеными. Однако такое доверие чревато десакрализацией научного знания, связанного с тем, что наука способна ответить не на все вопросы. Основной целью гражданской экспертизы является не только анализ, оценка, прогнозирование последствий объективного противоречия, но и участие в социальном контроле над результатами научной деятельности.

Н. Штер, проблематизируя растущую роль знания в современном обществе, утверждает, что наука может дать только «более или менее обоснованные гипотезы и вероятностные выводы. Вместо того, чтобы быть источником достоверных знаний и уверенности, она в первую очередь является источником неуверенности и общественно-политических проблем» [Штер, 2008]. В этом же ключе У. Бек развивает тезис о разрушении монополии на знание в «обществе риска»: в сфере экспертного знания о рискогенных процессах нет и не может быть безусловного авторитета [Бек, 2000]. Неизбежным следствием этого является интеграция социальных акторов в процессы экспертной оценки.

Активное включение гражданских экспертов в деятельность по оценке научного знания становится предпосылкой реализации трансдисциплинарных стратегий современной науки. Гражданская экспертиза выступает эффективным способом формирования превентивных установок, например, здравоохранительных. Гражданская экспертиза обеспечивает более эффективное принятие социальных решений в ситуации неопределенности.

Параллельно этому процессу происходит трансформация профессиональной научной экспертизы, связанная с феноменом трансдисциплинарности. Усиливающаяся фрагментация научного знания порождает проблемы, решение которых находится на границах конкретных научных дисциплин и требует их взаимодействия. С другой стороны, сложный и неоднозначный характер проблем современного общества (например, проблемы окружающей среды или биоэтические проблемы, связанные с развитием биомедицинских технологий) требует выхода в процессе поиска решений за рамки научных критериев истинности знания и включения этических, аксиологических, прагматических критериев, что определяет гибридность получаемого

знания. Как было отмечено в докладе Юнеско 2005 г., «при решении той или иной научной или технической проблемы аргументация всех заинтересованных сторон (государства, научного сообщества, частного сектора, гражданского общества и отдельных граждан) должна включать не только доказательства чисто научного характера, но и соображения, основанные на политических и нравственных принципах, формулируемые в рамках публичного обсуждения и общегражданской дискуссии» [ЮНЕСКО, 2005].

Так как трансдисциплинарные проекты решают практические проблемы, то оценить результаты трансдисциплинарных исследований критериями дисциплинарной науки достаточно сложно. Как считает румынский физик Б. Николеску (основатель Международного центра трансдисциплинарных исследований (CIRET) во Франции), трансдисциплинарность является выходом за дисциплинарные границы, в котором становится возможным установить связь между внешним миром и внутренним, объектом и субъектом [Nicolescu, 2008]. Это метод научного исследования жизненного мира, форма связи науки с жизненным миром. Специфика жизненного мира как объекта трансдисциплинарных исследований заключается в том, что в нем невозможно выявить закономерности. Каждая проблема носит неповторимый характер, вовлечена в контекст и требует особого решения. Попытки применения дисциплинарных подходов оказываются неэффективными. Очень ярко данное положение демонстрируют биоэтические дилеммы. Применительно к ним профессиональное сообщество делегирует обществу права принятия социально значимого решения.

Гражданская наука в контексте трансдисциплинарности

Одним из современных направлений трансдисциплинарных исследований и новых решений в сфере биоэтики является биоарт, своеобразный синтез искусства и биологических наук, предполагающий адаптацию методов естественных и точных наук для создания научно-обоснованного искусства, а методов искусства – для формирования новых научных теорий. Часто биоарт используется учеными для пропаганды конкретных высоких технологий, блокируемых обществом в качестве потенциальной угрозы. В 2000 г. по проекту художника биоарта, профессора искусств и технологических исследований в школе художественного института в Чикаго, Э. Каца, специалистом по цифровому моделированию зоосистем Л. Беком и биологами Л.-М. Худеби и П. Пруне из Национального института агроисследований (Франция)

был создан GFP-кролик Альба. Альба была альбиносом женского пола, произведенным с помощью технологий генной инженерии (применялся EGFP, расширенная версия оригинального дикого типа зеленого флуоресцентного гена медузы *Aequorea victoria*). При освещении синим светом Альба флуоресцировала зеленым светом. Э. Кац так описывал цели своего биоарт-проекта «GFP-Bunny»:

1) продолжение диалога между специалистами в различных областях (искусство, наука, философия, законодательство, коммуникация, литература, социология) и общественностью по вопросам этических и культурных аспектов генной инженерии;

2) стимуляция полемики о предполагаемой доминантной роли ДНК в процессе формирования организма по сравнению с комплексным пониманием взаимосвязи генетики, живого организма и окружающей среды;

3) расширение концепции биологического разнообразия и развития через интенсификацию работ на геномном уровне;

4) исследование межвидовой коммуникации между человеком и трансгенным млекопитающим;

5) представление интерактивных особенностей художественного проекта и презентация «GFP Bunny» в социальном контексте;

6) изучение понятий «нормальности», «гетерогенности», «чистоты», «гибридности», «различия»;

7) рассмотрение переноса генетического материала через традиционные межвидовые барьеры в качестве одной из форм коммуникации несемиотического свойства;

8) изучение путей адекватного восприятия обществом на эмоциональном и концептуальном уровнях возможности существования трансгенных животных;

9) расширение диапазона художественного творчества за счет стратегий прямого внедрения новых форм жизни [Кас, 2003].

Свой арт-объект Кац изначально не рассматривал как демонстрационный экспонат: «самое важное для меня – это комплексный процесс получения генно-измененного животного (в данном случае – кролика), интеграции его в общество и создания для него атмосферы безопасности, заботы и любви, чтобы он мог расти здоровым и довольным. Подобный комплексный подход чрезвычайно важен, поскольку способствует введению генной инженерии в социальный контекст с последующей возможностью конструктивного разрешения проблем соотношения личного и общественного. Таким образом биотехнология, частная жизнь семьи и социальная общественная сфера рассматриваются в единой взаимосвязи» [Кас, 2003].

Зоозащитники сочли создание Альбы издевательством над животным и инициировали волну протестов в СМИ и Интернете, в результате которых Национальный институт агроисследований начал

проверку проектных действий Л.-М. Худеби и П. Пруне и отказался выдать Кацу Альбу, оставив животное в лаборатории. Художник провел ряд медиакампаний в Интернете, промо-акций и даже персональную выставку под слоганом «Free Alba!», в результате чего кролик был выдан ему в 2002 г. Недолгая жизнь Альбы (ум. в 2004 г.) стала источником знаний о жизни трансгенных животных и дала импульс для развития гражданской биологии. Последняя представляет собой открытый тип научных исследований, влиться в которые может любой человек без специального образования и навыков. В 2008 г. гражданская биология приобретает форму организованного движения известного под названиями Биохакинг, Do it Yourself Biology (Do it Together Biology). Биохакеры ищут альтернативы дорогостоящему оборудованию, пути удешевления производства лекарств, создают новаторские биоинструменты и технологии. Например, группа OpenPCR в 2010 г. разработала термоциклер для полимеразной цепной реакции – один из основных приборов, которым пользуются биологи, стоимостью около 600 долларов. Он в десять раз дешевле, чем аналогичное профессиональное оборудование. Более того, данное изобретение легло в основу открытого (Open Source) Интернет-проекта, в рамках которого каждый может построить термоциклер самостоятельно, загрузив инструкцию с сайта.

Гражданская биология, биохакинг являются средством демократизации научных знаний. Данные виды гражданской активности изменяют характер доступа к науке: в открытом доступе в режиме реального времени биохакеры имеют возможность не только воспроизвести научный эксперимент (получить научный результат), но и усовершенствовать его. Полемика о том, дает ли гражданская биология ощутимый вклад в «большую науку», продолжается до сих пор.

Вместе с тем активисты биохакинга столкнулись с двумя проблемами. Это, во-первых, дефицит исследовательских компетенций у потенциальных сторонников. Отсутствие навыков лабораторной работы делает планируемый результат недостижимым. Чтобы неумелые биохакеры не теряли интерес к движению из-за собственных неудач, были созданы открытые лаборатории (например, Genspace в Нью-Йорке), в которых можно получить не только доступ к оборудованию, но и помощь лаборанта. Такое решение означает включение индивида в институциональный контекст, что равнозначно барьеру популяризации. Во-вторых, это дефицит медиакомпетентности, который блокирует продвижение результатов биохакинга в социальных медиа. Доля биохакеров в общей массе гражданских экспертов мала, а представители биотехноконсерватизма в сети обладают преимуществами гуманитарной культуры – опорой на общественное мнение, лучшим стилем, более высокой чувствительностью к потребностям аудитории. Хотя среди биохакеров есть популярные и известные в

блогосфере фигуры, незначительность самого медиасегмента делает маловероятным регулярное формирование в его рамках масштабных блоговолн национального уровня, во всяком случае, для больших стран. Поэтому говорить о сближении гражданской экспертизы и гражданской науки пока рано, хотя в перспективе их взаимодействие выглядит возможным.

Трансдиалог науки и общества

Сложившуюся форму современного диалога гражданской экспертизы и технауки можно обозначить как трансдиалог. Его субъектами являются трандисциплинарные научные эксперты, вне рамок диалога контактирующие с экспертами дисциплинарными, и лидеры мнений – активисты гражданской экспертизы и представители власти. Эта форма имеет жесткие ограничения – она эффективна только там, где есть множество противоположных этических, политических и пр. позиций, которые могут быть «усреднены» в ходе общественной дискуссии и стать основой социального согласия. Примером может быть введение временного моратория на клонирование человека, компромиссное как для либералов, так и консерваторов от биоэтики. Откладывание решения на будущее не означает принципиального отказа от данной технологии, что устраивает либералов, и останавливает ее движение в наличном контексте, что устраивает консерваторов.

Иной ситуация становится тогда, когда гражданские эксперты пытаются вынести вердикт о гносеологически разнородных практиках, оценивая полезные эффекты науки и лженауки в отсутствие методологических инструментов для их демаркации. Гражданский эксперт в принципе не способен выступить субъектом научной экспертизы. Наглядным примером является социально-политическая реакция на меморандум Комиссии РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований «О лженаучности гомеопатии» от 7 февраля 2017 г. Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований при Президиуме РАН заявила, что гомеопатические методы диагностики и лечения следует квалифицировать как лженаучные, т. к. отсутствуют убедительные экспериментальные подтверждения их эффективности, а потому их необходимо исключить из клинических стандартов Минздрава. Отметим, что в нынешнем составе Комиссии есть известные блогеры – популяризаторы науки. Реакция Минздрава на меморандум отражала сочувствие к гомеопатии. Многие врачи общей практики в стране поддерживают гомеопатию (включая педиатров) и назначают ее своим пациентам, тем более что такие назначения предусмотрены действующими стандартами лечения. Гомеопатия од-

нозначно не признается и не одобряется ВОЗ как эффективный и клинически доказанный способ лечения. В коммерческом секторе производителей гомеопатии осуществляется поддержка врачей-гомеопатов и активных пациентов как базовых лидеров мнений, производящих нативную рекламу. Борьба за гомеопатию приняла формы медийной и политической кампании, начавшихся публикаций в медицинских изданиях и мероприятий Общественной палаты и, далее, в интернет-публикациях. Иначе говоря, коммерческие структуры и пациенты включились в общественное обсуждение в качестве гражданских экспертов. Показателен в этом отношении социологический опрос ВЦИОМ «Гомеопатия: доверие и оценки» (2–6 октября 2017 г., заказ компании «Буарон», Пресс-выпуск № 3520). Согласно подзаголовку опроса, обычно отражающему основной результат, большинство россиян, хорошо знакомых с понятием «гомеопатия» и лично применявших гомеопатические средства, отмечают эффективность метода. Однако результаты опроса демонстрируют, что лично применяли гомеопатию только 19 % опрошенных, т. е. изложение результатов носит явно манипулятивный характер. Организация медиатекста исследования для нас важна не как характеристика качества аргументов сторонников гомеопатии, она показывает готовность к активным манипулятивным стратегиям. Ситуация для последних весьма благоприятная, поскольку традиционно низкий уровень доверия населения к «официальной» медицине делает большинство молчаливым, предоставляя дополнительное преимущество убежденным сторонникам гомеопатии.

В данном случае попытка научного сообщества очертить границы предмета знания и предмета веры наткнулась на сопротивление активных акторов гражданского общества, четко ориентированного на авторитет данной практики, независимо от ее природы.

Возникшая ситуация четко выявила проблему возможной экспансии гражданской экспертизы, риска подмены объективного знания оценками, мнениями и верой в положительный эффект. С. Фуллер описывает в общем виде сложившуюся ситуацию как ситуацию возникновения «протнауки» по аналогии с протестантизмом и характеризует современный этап развития науки как процесс секуляризации, результатом которого становится «формальное отделение производства знаний от воспроизводства социального порядка» [Фуллер, 2015, с. 62]. Это разделение, в свою очередь, порождает распространение альтернативных источников авторитета, в результате чего «бремя интерпретации переносится на предположительно включенную и разумную аудиторию» [там же]. Неоднородность данной аудитории С. Фуллер фиксирует понятиями «клиент» и «потребитель», определяя первого как субъекта, ориентированного на приобретение научных знаний, а второго как пользователя технологиями и результатами научно-технического прогресса.

Показательным примером отсроченных рисков гражданского «посредничества» является случай итальянского хирурга Паоло Маккиарини. Он является автором методики создания и трансплантации трахеи с помощью технологий регенеративной медицины. Практика Маккиарини была транснациональной, что осложнило отслеживание полученных результатов. Начиная с 2011 г. Маккиарини установил «регенеративные» трахеи по крайней мере 17 пациентам из разных стран. Поздние расследования показали, что большинство этих пациентов умерли после проведенных им операций. Однозначно причину смерти установить в таких ситуациях невозможно даже на основе аутопсии в силу тяжелого состояния оперируемых. В 2011 г. Маккиарини совместно с Кубанским государственным медицинским университетом и ККБ № 1 имени профессора С.В. Очаповского выиграл мегагрант Правительства РФ на реализацию исследовательского, клинического и образовательного проекта в области регенерации дыхательных путей и легкого и провел при его поддержке несколько операций. При этом, являясь профессором Каролингского института, он не имел одобрения стокгольмской комиссии по этике, базирующейся в Каролингском институте, а также легального права на изготовление пластиковых трахей, использование стволовых клеток и химических стимуляторов роста. Разбирательства по злоупотреблениям Маккиарини не закончены, а эпизоды мошенничества слабо доказуемы. Достоверно известно, что Маккиарини распространял ложные сведения о своей личной и семейной жизни, что находится за рамками научной этики и не возбраняется уголовным законодательством.

Важную роль в динамике этого сюжета играют пресса и социальные медиа. Маккиарини сначала создал себе мощное паблисити и далее использовал его для продвижения по карьерным позициям и улучшения грантовой истории. Ключевую роль в пиар-проекте Маккиарини сыграл документальный фильм «A leap of faith: A Meredith Vieira Special», номинировавшийся на престижную награду «Эмми» (продюссер Б.Александр). Продвижению в нашей стране он также обязан деятельности журналистов, под влиянием позиций которых научные эксперты оценивали его притязания с необоснованным доверием. Ситуация осложнилась тем, что научные эксперты по проектам Маккиарини одновременно являлись членами Нобелевского комитета (Уолберг и Хамстен, руководившие работой Каролингского института и игнорировавшие предупреждения о деятельности Маккиарини в результате скандала в 2016 г. ушли в отставку под давлением медиасреды). Дискредитация его научной репутации началась благодаря усилиям разочаровавшейся в нем итальянской журналистки Б. Александер, ставшей противницей Маккиарини по личным причинам. Свою коллегу поддержали шведские журналисты и блогеры. Медийный скандал побудил Каролингский институт начать расследование деятельности Маккиарини.

Казус Маккиарини демонстрирует влияние социальных медиа на диспозиции в научном мире, а также стирание границ между прикладной наукой и обществом в медийном пространстве. Быстрый взлет Маккиарини связан с популярностью направления его исследовательской деятельности в социальных медиа и социальным запросом на «чудесные» результаты регенеративной медицины. При всей популярности научного направления по изучению стволовых клеток оно является одним из самых скандальных научных направлений: статьи по этой теме отзывают в 2,4 раза чаще, чем статьи по биомедицине, причем более половины отзывов связаны с фактами мошенничества, получившими огласку. Трансдисциплинарный характер современной науки проявляется, среди прочего, в возникновении новых ниш, заполнение которых зависит не столько от прогресса научного знания, сколько от успешной репрезентацией направления в социальных медиа.

Итоги нашего рассмотрения показывают значительную неопределенность роли гражданской экспертизы в современной прикладной науке. Так, дискуссия о статусе гомеопатии еще не завершена, государственный запрет на эту медицинскую практику не наложен, противостояние гражданских и научных экспертов продолжается как в медиасфере, так и в политическом пространстве. Иначе обстоит дело со статусом генной инженерии, не связанной с терапевтическими целями. Активное взаимодействие между политической элитой, ориентированной на антисанкционную политику импортозамещения, и гражданской экспертизой, мифологизирующей ГМО-угрозу, привело к легальному запрету на выращивание и разведение растений и животных, содержащих генно-инженерный материал (Федеральный Закон № 358-ФЗ от 3.07.2016 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в области генно-инженерной деятельности»). И хотя формально эти операции «в целях экспертиз и научных исследований» остались разрешенными, они фактически оказываются запрещены. Это относится к широкому кругу биомедицинских исследований, которые наталкиваются на отсутствие социального консенсуса в силу ряда консервативных установок массового сознания и тормозятся в своем развитии.

Отсюда резкое снижение конкурентоспособности отечественных исследований по данному направлению. Отечественные трансгенные сорта картофеля и линии сахарной свеклы (свыше 10 наименований) запатентованы без допуска к использованию. Специалисты отмечают простой разработок в области получения трансгенных растений, продвижение которых напрямую связано с проблемой интенсификации сельского хозяйства и проблемой производственной безопасности [Медведкина, Тихонова, Мыльников, Матвеева, 2016, с. 42]. Посколь-

ку ГМО-растения элиминированы из жизненного мира россиян, они становятся объектом фобий и мифологизации, активно поддерживаемых блогосферой.

Рассмотренные нами примеры демонстрируют разные аспекты проникновения гражданской экспертизы в прежде автономную сферу производства научного знания. Гражданские эксперты могут прямо включаться в проведение научных экспериментов как в случаях биохакинга, оказывать прямое влияние на статус членов научного сообщества, стимулировать и тормозить отдельные области научных исследований, поддерживать конкурирующие с наукой формы лженаучного знания. В ситуации демократического и гносеологического плюрализма этические принципы являются основой формирования социального согласия по вопросам развития науки. Это показывает, что гражданская экспертиза как форма диалога общества и науки является амбивалентным феноменом: она требует практического совершенствования и дальнейшего теоретического анализа ее возможностей и ограничений.

Список литературы

- Бек, 2000 – *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
- Гончаров, 2012 – *Гончаров Л.А.* Гражданская экспертиза как институт демократической политической системы в современной России: организационные и социокультурные барьеры // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер. «История. Политология». 2012. № 1. С. 256–260.
- Касавин 2016 – *Касавин И.Т.* Знание и коммуникация: к современным дискуссиям в аналитической философии // Вопр. философии. 2013. № 6. С. 46–57.
- Медведкина, Тихонова, Мильников, Матвеева 2016 – *Медведкина Д.А., Тихонова С.В., Мильников С.В., Матвеева Т.В.* Противоречия формирования правовой политики Российской Федерации в области генной инженерии // Эколог. генетика. 2016. Т. XIV. № 1. С. 34–48.
- Мотовилов, 2004 – *Мотовилов Д.А.* От почтмейстеров до транснациональных корпораций: очерки истории журналистики США. Владивосток: ДВГУ, 2004. 92 с.
- Санин, Барков 2016 – *Санин М.К., Барков Е.И.* Эффективность блоггинга как маркетингового инструмента // Науч. журн. НИУ ИТМО. Сер. «Экономика и экологический менеджмент». 2016. № 2. С. 107–112.
- Филатова, 2011 – *Филатова О.Г.* Коммунитаризм и гражданская журналистика как перспективные направления исследований // Управленческое консультирование. 2011. № 2. С. 189–193.
- Фуллер, 2015 – *Фуллер С.* Клиентская наука как выражение научного плюрализма // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 46. № 4. С. 52–69.
- Штер 2002 – *Штер Н.* Мир из знания // Социол. журн. 2002. № 2. С. 31–35.

ЮНЕСКО, 2005 – К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО, 2005. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001418/141843e.pdf> (дата обращения: 02.06.2017).

Bowman, Willis, 2003 – *Bowman S., Willis C. We media. How audiences are shaping the future of news and information.* Reston, VA: The media center at the American Press Inst., 2003. 64 p.

Кас 2003 – *Кас Е. GFP Bunny // Leonardo.* Vol. 36. No. 2. 2003. P. 97–102.

Nicolescu, 2008 – *Nicolescu B. The Relationship between Complex Thinking and Transdisciplinarity.* URL: <https://ru.scribd.com/document/17677034/Basarab-Nicolescu-The-Relationship-between-Complex-Thinking-and-Transdisciplinarity/> (дата обращения: 01.03.2017).

Turner, 2006 – *Turner F. From Counterculture to Cyberculture: Stewart Brand, the Whole Earth Network, and the Rise of Digital Utopianism: University Of Chicago Press,* 2006. 354 p.

References

Beck, U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society: Towards a New Modernity]. Moscow: Progress -Tradistiya, 2000. 383 pp. (In Russian)

Bowman, S., Willis, C. *We media. How audiences are shaping the future of news and information.* Reston, VA: The media center at the American Press Institute, 2003. 64 pp.

Filatova, O. G. “Kommunitarizm i grazhdanskaya zhurnalistika kak perspektivnye napravleniya issledovaniy” [Communitarianism and civil journalism as perspective directions of researches], *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Administrative consulting], 2011, no. 2, pp. 189–193. (In Russian)

Fuller, S. “Customized science as a reflection of «protscience»”, *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2015, vol. 46, no. 4, pp. 52–69. (In Russian)

Goncharov, L. A. “Grazhdanskaya ehkspertiza kak institut demokraticheskoj politicheskoi sistemy v sovremennoi Rossii: organizacionnye i sociokul'turnye bar'ery” [Civil expertise as institute of democratic political system in modern Russia: organizational and sociocultural barriers], *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya*, 2012, vol. 120, no. 1, pp. 256–260. (In Russian)

K obshchestvam znaniya. Vsemirny doklad YUNESKO [Towards knowledge societies: UNESCO World report]. [<http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001418/141843e.pdf>, accessed on 02.06.2017]

Кас, Е. “GFP Bunny”, *Leonardo*, 2003, vol. 36, no. 2, pp. 97–102.

Kasavin, I. T. “Znanie i kommunikaciya: k sovremennym diskussiyam v analiticheskoy filosofii” [Knowledge and communication: to the contemporary discussions in analytic philosophy], *Voprosy filosofii*, 2013, no.6, pp. 46–57. (In Russian)

Medvedkina, D. A., Tikhonova, S. V., Mylnikov, S. V., Matveyeva, T. V. “Protivorechiya formirovaniya pravovoi politiki Rossiiskoi Federatsii v oblasti gennoi inzhenerii” [Contradictions teleology of Legal Policy of the Russian Federation in the field of genetic engineering], *Russian Journal of Genetics: Applied Research*, 2016, no. 1, pp. 34–48. (In Russian)

Motovilov, D. A. *Ot pochtmeisterov do transnacional'nykh korporatsiy: ocherki istorii zhurnalistiki SSSR* [From postmasters to multinational corporations: sketches of history of journalism of the USA]. Vladivostok: DVGU, 2004. 92 pp.

Nicolescu, B. *The Relationship between Complex Thinking and Transdisciplinarity*. [<https://ru.scribd.com/document/17677034/Basarab-Nicolescu-The-Relationship-between-Complex-Thinking-and-Transdisciplinarity/>, accessed 01.03.2017].

Sanin, M. K., Barkov, E. I. "Effektivnost' blogginga kak marketingovogo instrumenta" [Efficiency of blogging as marketing tool], *Nauchnyy zhurnal NIU ITMO. Seriya: Ekonomika i ehkologicheskyy menedzhment*, 2016, no. 2, pp. 107–112. (In Russian)

Stehr, N. "World from knowledge" [Mir iz znaniya], *Sociological Journal*, 2002, no. 2, pp. 31–35. (In Russian)

Turner, F. *From Counterculture to Cyberculture: Stewart Brand, the Whole Earth Network, and the Rise of Digital Utopianism*. Chicago: University Of Chicago Press, 2006. 354 pp.